

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.166.93> EDN: FJJDOI**ОПЫТ АНАЛИЗА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИРАЩЕНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОЛОРАТИВОВ В ТЕКСТЕ АНТИУТОПИИ**

Научная статья

Горжая А.А.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-6851-9496;¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (alesya_gorzhasya[at]mail.ru)

Аннотация

В статье исследуется семантическая функция колоративов в англоязычной антиутопической прозе как средства выражения жанровой специфики и эмотивной насыщенности текста. Актуальность работы обусловлена ростом интереса к символике цвета в художественном дискурсе и необходимостью выявления механизмов, с помощью которых цветообозначения участвуют в конструировании антиутопического мира. Цель исследования — проанализировать, как колоративы реализуют жанрообразующие черты антиутопии и способствуют передаче ее ключевых тем: кризиса идентичности, подавления личности системой, технологического контроля и социального распада. В работе применяется комплексный метод, включающий жанровый, семантический и контекстуальный анализ текстов представителей классической и современной антиутопии. Установлено, что колоративы в антиутопических романах функционируют не только как номинативные единицы, но и как многозначные символы, активно вовлеченные в создание эмоционального фона, экспрессивной оценки и идеологического посыла. Выявлено, что переносные употребления цветообозначений — метафорические, метонимические и идиоматические — играют ключевую роль в репрезентации внутреннего состояния героев и критике социального устройства. Полученные результаты подтверждают, что цвет в антиутопии выступает не просто описательным элементом, а важным смысловым маркером, отражающим дуализм между утратой человеческого и стремлением к свободе, что делает колоративы неотъемлемой частью жанровой структуры соответствующих произведений.

Ключевые слова: антиутопия, колоратив, семантическое приращение, эмотивная насыщенность, жанрообразующая характеристика, метафорический перенос значения, метонимический перенос значения, символика цвета.

AN ANALYSIS OF THE SEMANTIC SHIFTS IN ENGLISH-LANGUAGE COLOURATIVES WITHIN THE TEXT OF A DYSTOPIA

Research article

Gorzhasya A.A.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-6851-9496;¹ North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

* Corresponding author (alesya_gorzhasya[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the semantic function of colouratives in English-language dystopian prose as a means of expressing the genre's distinctive traits and the emotional intensity of the text. The relevance of the work is due to the growing interest in the symbolism of colour in literary discourse and the need to identify the mechanisms through which colour references contribute to the construction of the dystopian world. The aim of the study is to analyse how colour terms embody the genre-defining features of dystopia and contribute to conveying its key themes: identity crisis, the suppression of the individual by the system, technological control and social disintegration. The research uses a complex method, including genre, semantic and contextual analysis of texts from classical and contemporary dystopian literature. It has been established that colouratives in dystopian novels function not only as nominative units, but also as polysemous symbols, actively involved in creating an emotional backdrop, expressive evaluation and ideological message. It has been established that figurative uses of colour terms — metaphorical, metonymic and idiomatic — play a key role in representing the inner state of characters and in critiquing the social order. The findings confirm that colour in dystopian fiction serves not merely as a descriptive element, but as a significant semantic marker reflecting the duality between the loss of humanity and the quest for freedom, making colour motifs an integral part of the genre structure of such works.

Keywords: dystopia, colourative, semantic shift, emotive intensity, genre-defining characteristic, metaphorical transfer of meaning, metonymic transfer of meaning, colour symbolism.

Введение

В рамках статьи рассматривается специфика семантических приращений англоязычных колоративов в тексте антиутопии. В ходе работы анализируются основные жанрообразующие характеристики антиутопии, а также семантические характеристики цветообозначений на материале нескольких романов-антиутопий разных авторов.

Жанр антиутопии берет начало из противоположного ему по сути жанра утопии. Греческое слово «утопия», переводящееся как «место, которого нет», подразумевает представление идеального во всех отношениях общества. В данном контексте речь идет об актуальных проблемах различных сфер человеческой жизни, например, политические, социальные и экономические.

История жанра утопии восходит к античным временам. Первые утопические идеи можно обнаружить у древнегреческого философа Платона. Кроме того, философская школа киников внесла свой вклад в развитие идей утопии и — позднее — антиутопии. В антиутопии критике подвергается государственный строй, которому свойственно загонять членов общества в жесткие рамки путем отказа от духовного и естественного [16].

В философской и художественной литературе Средневековья также прослеживаются утопические мотивы, однако здесь они тесно переплетаются с религиозными темами. Далее в эпоху Ренессанса жанр утопии получает новое развитие. Произведение Томаса Мора «Утопия», описывающее вымышленный остров с идеальным обществом, в котором господствуют равенство и справедливость, считается одним из основополагающих в жанре утопии [16]. В целом, можно сделать вывод о том, что утопия является не только моделью идеального общества, но и отражением устойчивого социального идеала (см., например, [15]). Утопия направляет социальное мышление в то или иное русло.

Дальнейшее развитие утопия получает в период с XIX по XX вв. В это время писатели, затрагивающие в своих произведениях социальные проблемы, начинают включать в них элементы фантастики [22]. В конце XIX в., когда в произведениях, описывающих фантазийные государства, авторы стали отражать отрицательные аспекты развития общества, началось формирование жанра антиутопии.

Одним из первых термин «антиутописты» (*dystopians*) использовал британский философ Дж.С. Милль в парламентской речи при описании недостатков социума [16]. Г. Клейз полагает, что именно из противопоставления идеального и неидеального общества вырастает антиутопическое пространство, неизвестное и полное опасностей, зачастую заселенное устрашающими монстрами, в противоположность привычному и безопасному пространству, в котором существует человек [25, С. 73 ff.] (см. также: [2], [3], [4]).

Антиутопическая литература возникла в Америке и Европе начала XX в. не потому, что в ней воплощались фантазии, а потому, что это была реальность, которую мог наблюдать каждый. Две мировые войны, разрушение пасторальной жизни, индустриализация городов и ухудшение окружающей среды – все это сделало антиутопическую реальность похожей на вполне реальную возможность» [24, С. 7–8]. Необходимо указать на тот факт, что стремление создать совершенное общество приводит преимущественно к хаосу и разрушению. В результате общественная точка зрения воплощалась в новом литературном жанре антиутопии [13, С. 13], а одним из факторов становления данного жанра является эмоциональная реакция авторов на переломные периоды истории.

Одним из первых произведений, написанных в жанре современной антиутопии, является роман Г. Уэллса «Машина времени». В отличие от утопических романов, в которых общество всегда предстает в недостижимом лучшем виде, здесь мы наблюдаем мрачные стороны развития человечества. В подобных произведениях, как правило, демонстрируется пессимистический взгляд на будущее и на то, как социальное неравенство и технологический прогресс способны привести к деградации социума [16].

Термин «антиутопия» приобрел значение отдельного жанра литературы при описании его в антологии «В поисках утопии», написанной Г. Негли и М. Патриком. Далее он стал использоваться для отсылки к произведениям, в которых поднимаются вопросы социальной направленности, но не связанным с утопией [16]. Наиболее известными антиутопическими произведениями XX в., составляющими основу жанра, можно назвать «1984» Дж. Оруэлла, «Мы» Е. Замятина и «О дивный новый мир» О. Хаксли [28]. В них прослеживаются опасения, связанные со стремительным развитием технологий и возникшие, когда люди увидели, какие последствия могут быть вызваны новыми научными изобретениями. В качестве одной из характеристик произведений в жанре антиутопии можно назвать рассмотрение технологий как средства контроля и подавления свободы общества (см. также: [14]). Роман «1984» служит предупреждением о множестве возможных серьезных проблем, включая вмешательство правительства в личную жизнь граждан, затруднения в различении правды и лжи, а также существенные трансформации языка [13], [21], [27].

Антиутопии XXI в. претерпевают некоторые изменения. За основу сюжета здесь берутся общественные проблемы, с которыми сталкивается молодежь и старшее поколение в современной повседневной жизни, как например, борьба за идентичность, конфликт личности и системы, социальное неравенство, а также отчуждение и одиночество, вызванные заменой технологиями человеческого взаимодействия. Современные романы-антиутопии демонстрируют путь преодоления всех этих проблем молодыми, смелыми и талантливыми героями. Отличает эти произведения от тех, что были написаны в XX в. то, что во многих из них персонажам удается в какой-то степени справиться с общественными проблемами [1], [13], [20].

Современные произведения жанра антиутопии не просто повествуют о политической деградации, но также служат основой для постановки других вопросов, таких как мятежи, феминизм, взаимоотношения между людьми и многое другое. Молодежная антиутопическая литература неизбежно становится романом о взрослении и преодолении трудностей. В ней отражается кризис идентичности, который может переживать молодой человек под воздействием давления окружающих [19], [23].

Главствующим вопросом антиутопических произведений является общественно-социальный. Д.С. Солобута предлагает выделять три основных мотива (тематических фокуса) произведений жанра антиутопии:

- 1) человек и влияние научно-технического прогресса, «противостояние духовного, мыслящего, творческого начала и бездушного, механического мышления»;
- 2) взаимоотношения человека и «враждебного ему общества, вопрос о том сможет ли человек сохранить в себе человеческое, оставаясь частью такого общества, где целое гораздо важнее единичного»;
- 3) взаимодействие человека и государства, стремящегося «превратить свободное разумное существо в винтик большого механизма» [16, С. 144] (см. также: [17]).

Некоторыми исследователями выдвигается тезис о том, что антиутопия является самостоятельным литературным жанром со своими специфическими чертами [9], [12], [18]. Вместе с тем существует также точка зрения, согласно которой антиутопия — это разновидность утопии, следовательно, толкование ее особенностей ведется через анализ жанровых характеристик утопии [5], [6], [7], [8].

Как подчеркивает Д.С. Солобуто, для западной традиции характерно выделение антиутопии в качестве подвида утопии, в связи с тем, что она опровергает последнюю ее же принципами. Во второй половине XX в. отечественные исследователи придерживались такого же мнения в понимании данного жанра. Такая точка зрения подразумевает изучение антиутопии как одной из «форм реакции против социалистической идеи», которая выражена в виде пародии на утопию. В то же время те произведения, которые демонстрировали возможные отрицательные аспекты развития капиталистических обществ, получали статус «социальной фантастики». Тем не менее, в последнее десятилетие XX в. жанр антиутопии начал оформляться как самостоятельный, обладающий своей спецификой [16, С. 145].

Б.А. Ланин подчеркивает особенности, присущие антиутопическому жанру. К ним относятся следующие:

- 1) аллегоричность;
- 2) трагичность, объясняемая тем, что несмотря на то, что главный герой бросает вызов существующей системе, он все равно в большинстве случаев проигрывает;
- 3) атмосфера страха и тревоги;
- 4) двойственность чувств, т.е. герои антиутопий могут испытывать чувства и эмоции, которые противоречат друг другу. К примеру, персонаж, осознавая несправедливость системы, может испытывать желание сопротивляться ей, однако при этом чувствовать отчаяние и смирение;
- 5) «ритуализация жизни как причина сюжетного конфликта», подразумевающая существование определенного уклада жизни, отступление от которого ведет к конфликту между героем и обществом;
- 6) внутренне эмоциональное давление главного героя;
- 7) элементы научной фантастики;
- 8) ограниченность пространства действия;
- 9) эффект «застывшего времени», который возникает в связи с поддержанием вымышленным государством системы и невозможностью введения каких-либо изменений;
- 10) ориентированность на личностные переживания героя [11, С. 154–163] (см. также: [10]).

Таким образом, несмотря на то что антиутопия обладает некоторыми схожими чертами с утопией, которые были заложены в ее основу, можно выделять ее в качестве независимого жанра. Ключевое различие между утопией и антиутопией проявляется в том, что антиутопия критически относится к самой идее построения идеального общества, предлагаемой утопией. Такой жанр, как дистопия соединяет черты утопии и антиутопии.

Методы и принципы исследования

В работе применяется комплексный метод, включающий жанровый, семантический и контекстуальный анализ текстов представителей классической и современной антиутопии. Жанровый анализ направлен на выявление ключевых специфических черт антиутопии как литературного жанра, включая типологию мира, хронотоп, систему персонажей, сюжетные структуры и идеологические установки. Особое внимание уделено различиям между классической (середина XX в.) и современной (XXI в.) антиутопией, а также эволюции жанровых конвенций в зависимости от историко-культурного контекста.

Семантический анализ сосредоточен на изучении колоративов (цветообозначений) как лексических единиц с учетом их прямого (номинативного) и переносного (метафорического, метонимического, идиоматического) употребления. Анализируются некоторые механизмы семантических приращений — расширения или смещения значений цветообозначений под влиянием контекста, жанровой парадигмы и авторского замысла.

Контекстуальный анализ позволяет интерпретировать употребление колоративов в связи с конкретной ситуацией, эмоциональным состоянием персонажей, идеологической нагрузкой эпизода и общей концепцией литературного произведения. Данный метод помогает выявить, как цвет участвует в создании антиутопического дискурса и передаче ключевых тем: подавления личности, технологического контроля, кризиса идентичности, социального раскола и утраты человеческого.

В качестве материала исследования были отобраны англоязычные романы-антиутопии, репрезентативные для классического и современного периодов развития жанра: «1984» (1949) Дж. Оруэлла, «Мы» («We») (1924) Е. Замятина (в переводе на английский язык) и «О дивный новый мир» («Brave New World») (1932) О. Хаксли, а также «Лавина» («Snow Crash») (1992) Н. Стивенсона, «Дитя человеческое» («The Children of Men») (1994) П.Д. Джеймса. В частности, в рамках данной статьи подробно проанализированы последние два романа.

Подобный подбор текстов обеспечивает репрезентативность выборки и позволяет проследить специфику функционирования колоративов в антиутопическом дискурсе.

Обсуждение

Перейдем к рассмотрению некоторых романов-антиутопий с позиции наличия в них приведенных выше черт и использования цветообозначений — колоративов.

В целом, анализируемые художественные произведения содержит большое количество колоративов, которые в плане семантики можно разделить на две группы:

- 1) колоративы с прямым значением, т.е. напрямую обозначающие различные цвета;
- 2) цветообозначения, имеющие тот или иной перенос значения — по сходству и/или смежности — метафоризированные или метафтонимизированные колоративы.

Приведем и проанализируем некоторые примеры из выбранных художественных произведений:

1. Enzo is now seeing the world in **dim black and white**, like a cheap Metaverse terminal; this is how his buddies used to describe it in Vietnam right before they succumbed to blood loss [29]. Neal Stephenson — Snow crash (1992).

Эндо теперь видит мир в **тусклых черно-белых тонах**, как на дешевом терминале Метавселенной; так его товарищи во Вьетнаме описывали все прямо перед тем, как умирали от потери крови (здесь и далее перевод наш — А.Г.).

В приведенном фрагменте цветовые обозначения играют важную роль: черно-белая картинка ассоциируется с потерей жизненной энергии, с близостью смерти, с уходом из «яркой» реальности в «тусклое» небытие.

2. *The Rat Thing, just a tiny **dark thing** close to the ground, visible only by virtue of its shadow against the flames, and by the chain of **white sparks** where its claws dig into the pavement, makes a tiny correction in its course* [29]. Neal Stephenson — Snow crash (1992).

Крысонец — всего лишь крошечная **темная тень** у самой земли, различима лишь благодаря своей тени на фоне пламени и цепочке **белых искр**, которые высекают его когти, впиваясь в асфальт, — слегка корректирует свой курс.

В данном фрагменте автор строит сцену на контрасте света и тьмы: почти невидимый силуэт на фоне пламени и яркие точки искр. Темный цвет подчеркивает скрытность, пламя — хаос и опасность, а белые искры — сверхъестественную мощь (намек на то, что когти — металлические, и это не обычное животное).

3. *Hiro's knees buckle, his mouth comes open, shoulders hunch involuntarily, he looks toward the sound. And something catches his eye, something small and **dark**, darting away from the building and up into the air like a sparrow. But when it's a hundred yards out over the water, the sparrow catches fire, coughs out a great cloud of sticky **yellow smoke**, turns into a **white fireball**, and springs forward. It keeps getting faster and faster, tearing down the center of the harbor, until it passes all the way through the little chopper, in through the windshield and out the back* [29]. Neal Stephenson — Snow crash (1992).

У Хиро подгибаются колени, рот раскрывается, плечи невольно сутулятся, он поворачивается к звуку. И что-то привлекает его внимание — что-то маленькое и **темное**, метнувшееся от здания вверх, в воздух, словно воробей. Но когда оно оказывается в сотне ярдов над водой, «воробей» загорается, выпускает огромное облако липкого **желтого дыма**, превращается в **белый огненный шар** и устремляется вперед. Оно все ускоряется и ускоряется, пока не пронзает маленький вертолет насквозь — влетев через лобовое стекло и вылетев через хвост.

В данном фрагменте желтый дым не выглядит «солнечным» или «теплым» — он липкий, вязкий, что создает ощущение химической опасности. Желтый — частый цвет предупреждения об опасности и токсичности.

4. *The other large boat is a small cruise vessel, made to carry rich people comfortably to nice places. It has a **green flag** and appears to be connected with Mr. Lee's Greater Hong Kong* [29]. Neal Stephenson — Snow crash (1992).

Другой крупный корабль — небольшой круизный лайнер, предназначенный для комфортной перевозки состоятельных людей в красивые места. У него **зеленый флаг**, и, похоже, он связан с «Большим Гонконгом» мистера Ли.

В данном фрагменте зеленый флаг, скорее всего, символизирует корпоративную или политическую принадлежность «Большому Гонконгу» мистера Ли, что может подразумевать экономическую мощь и влияние.

5. *His view of the world goes into **grainy black and white, much brighter than it was before**. Here and there, certain objects **glow fuzzily in pink or red**. This comes from **the infrared**, and it means that these things are warm or hot; people are **pink**, engines and fires are **red*** [29]. Neal Stephenson — Snow crash (1992).

Его восприятие мира переходит в **зернистое черно-белое, гораздо более яркое, чем раньше**. Тут и там отдельные объекты **размыто светятся розовым или красным**. Это — результат **инфракрасного излучения**, и значит, что эти вещи теплые или горячие; люди — **розовые**, двигатели и огонь — **красные**.

В данном фрагменте автор использует черно-белую основу и яркие розовые/красные акценты, чтобы передать особый режим восприятия (инфракрасное зрение), где зернистое черно-белое — является символом технологической фильтрации без естественных красок. Это «мир без жизни», механический фон, на котором все одинаково, пока не появляется сигнал. Розовый — в инфракрасном режиме связан с умеренным теплом (живое тело). Здесь он становится цветом жизни, биологического тепла, присутствия человека. Красный — цвет высокой температуры, энергии и опасности; он обозначает сильный источник тепла — огонь, работающий двигатель. Цвет в данном случае участвует в создании антиутопического дискурса и передаче тем подавления личности и технологического контроля.

6. *His hair is **black** and well greased, with individual **strands of gray**, and he wears wire-rimmed bifocals with a subtle **brownish tint**. He has very large pores* [29]. Neal Stephenson — Snow crash (1992).

Его волосы **черные** и тщательно прилизанные, с отдельными **прядями седины**, а на нем — бифокальные очки в металлической оправе с легким **коричневатым оттенком** стекол. У него очень большие поры кожи.

В данном фрагменте автор использует словосочетание «*strands of gray*», чтобы указать на возрастной признак героя.

7. *Then, shots of Rife maneuvering his steerlike body through the narrow passages and steep staircase of the ship's interior — typical boring **gray steel** Navy **scape**, which, he assures the interviewer, he is going to have spruced up considerably* [29]. Neal Stephenson — Snow crash (1994).

Затем — кадры, где Райф, маневрируя своим бычьим телом, проходит по узким коридорам и крутой лестнице внутри корабля — типичный скучный **серый стальной** военно-морской пейзаж, который, как он уверяет интервьюера, он собирает основательно приукрасить.

В данном примере серый — символ однообразия, нейтральности, отсутствия эмоций, цвет употреблен в переносном значении. В военном контексте он ассоциируется с функциональностью и с атмосферой сдержанности и дисциплины. Стальной оттенок — усиливает ощущение холода, прочности и бесчеловечной механичности. Он «жестче» обычного серого и напрямую связан, в том числе, с материалом корабля.

8. *It has been a perfect autumn day, the sky a clear azure blue, the sunlight mellow and gentle but strong as high June, the air sweet scented, carrying the illusion of wood smoke, mown hay, the gathered sweets of summer* [26]. P.D. James — *The Children of Men* (1994).

Это был идеальный осенний день: небо — чистое лазурно-голубое, солнечный свет — мягкий и теплый, но такой же яркий, как в июне, воздух — сладко пахнущий, неся с собой иллюзию древесного дыма, свежескошенного сена и собранных соков лета.

В описании доминирует лазурно-голубой цвет неба, который ассоциируется с ясностью, спокойствием и гармонией. Лазурно-голубой — символ чистоты, открытости и свежести. Он создает чувство легкости и умиротворенности, что подчеркивает идеальность и красоту момента. Солнечный свет описан как мягкий, теплый, но сильный, что вызывает ассоциации с теплом и жизненной энергией, при этом не раздражающей, а ласкающей.

9. *Fleeing from the heat, the dust, the grey company of the old who seemed to shuffle through Europe like a moving fog, he took the twisting road to Ravello, strung like an eyrie between the deep blue of the Mediterranean and the sky. Here he found a small family-run hotel, expensive and half-empty* [26]. P.D. James — *The Children of Men* (1994)

Спасаясь от жары, пыли и серой компании стариков, которые, казалось, шли по Европе, словно движущийся туман, он поехал по извилистой дороге к Равелло, расположенному как гнездо между глубоким синим цветом Средиземного моря и небом. Здесь он нашел небольшой семейный отель — дорогой и полупустой.

В данном фрагменте серый цвет символизирует уныние, старость и застой. Старики описаны как «серая компания» и «движущийся туман», что создает образ безжизненной массы, монотонности и утраты жизненной энергии. Цвет употреблен в переносном, метафорическом значении.

10. *It was a dark night, starless, and the wind was rising. Usually I like the sound of the wind when I'm snug at home, but that night it was different, not comforting, wailing and hissing in the chimney, menacing. I got the blues, the black dog on my shoulder, thinking of Mother dead and Henry lost for ever* [26]. P.D. James — *The Children of Men* (1994).

Ночь была темная, беззвездная, и ветер усиливался. Обычно мне нравится звук ветра, когда я уютно дома, но в ту ночь все было иначе — неутешительный, завывающий и шипящий в дымоходе, угрожающий. Меня охватила тоска, «черный пес» на плече, мысли о мертвой матери и навсегда потерянном Генри.

В данном отрывке темная ночь — это символ одиночества, неопределенности и страха. Черный пес — метафора депрессии, печали и внутреннего мрака. Черный цвет здесь является символом тяжелого душевного состояния и скорби героя. Цвет участвует в описании кризиса идентичности, в некоторой степени социального раскола.

11. *From its top bough there cascaded a white froth of travellers' joy, delicate as a veil, through which the berries shone like jewels* [26]. P.D. James — *The Children of Men* (1994).

С самой верхушки ветви срывался белый пенящийся водопад путешественнической радости, такой нежный, словно вуаль, сквозь которую ягоды сияли, словно драгоценные камни.

В данном описании автор использует белый цвет как символ чистоты, легкости, свежести и невинности. Здесь он передает ощущение радости, легкости и красоты.

12. *His ravaged face was so white, the body so rigid, that, looking up, Theo almost feared that he would crash forward over the soft earth* [26]. P.D. James — *The Children of Men* (1994).

Его израненное лицо было настолько бледным, а тело таким неподвижным, что, посмотрев вверх, Тео почти испугался, что тот рухнет вперед на мягкую землю.

В этом описании автор выделяет белый цвет, который связан с лицом и общей неподвижностью тела. Белый здесь символизирует смерть, безжизненность, бледность, обездвиженность, потерю энергии и здоровья. Белый цвет лица ассоциируется в данном случае — с израненностью и истощением.

13. *Theo was aware of the strong smell of the sawn wood and the dead fire, of the oblong of sunlight like a green veil, of the silence, windless, birdless, of her heartbeats and his own* [26]. P.D. James — *The Children of Men* (1994).

Тео ощущал сильный запах распиленного дерева и мертвого огня, продолговатое пятно солнечного света, словно зеленая вуаль, тишину — безветрие, без пения птиц — и ее сердцебиение, и свое собственное.

В данном фрагменте автор использует зеленый цвет как символ жизни, природы, покоя и восстановления. Он ассоциируется с чем-то живым и умиротворяющим. В данном контексте зеленая вуаль солнечного света создает ощущение спокойствия и умиротворенности, некоторого идеального мира.

Заключение

Жанр антиутопии, выбранный нами в данном исследовании, глубоко пронизан категорией эмотивности.

Антиутопия, взявшая свое начало из жанра утопии, представляет собой противопоставление утопическим идеям, в центре которой находится изображение мрачного и негативного развития общества. Антиутопические произведения обладают специфическими характеристиками, к числу которых можно отнести динамичность повествования, употребление иронии на уровне глобальных идей как характеристики мироздания, особый хронотоп, шаблонность микросюжетов, ориентированность на сложные личностные переживания героев, репрезентируемые эмотивно маркированными лексическими единицами. Цвет участвует в создании антиутопического дискурса и передаче таких ключевых тем, как подавление личности, технологический контроль, кризис идентичности, социальный раскол и утрата человеческого.

В результате исследования антиутопических романов, мы делаем вывод о наличии в них значительного числа колоративов. Следует отметить, что в анализируемых художественных текстах разнообразно представлены наименования основных цветов и некоторых оттенков (*white, yellow, pink, red, black, dim black and white, dark, green (flag); into grainy black and white, much brighter than it was before; glow fuzzily in pink or red; strands of gray, brownish tint, gray steel (scape), clear azure blue, the grey company, the deep blue, white froth* и др.). Далеко не всегда колоративы употреблены в прямом значении — для обозначения конкретного цвета или оттенка. Отобранные для анализа

колоративы во многих случаях могут как иметь метафорический перенос значения, так и употребляться в составе сравнительных оборотов и идиоматических выражений (*the black dog, like a green veil, got the blues* и др.).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Авакян Д.А. Антиутопия как жанр социально-политической литературы / Д.А. Авакян // Интернаука. — 2022. — 14-2 (237). — С. 52–54.
2. Алимуратов О.А. Жанровые особенности англоязычных текстов фэнтези как коррелят системы антропонимов / О.А. Алимуратов, Е.А. Борисенко // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2022. — 1. — С. 137–142.
3. Алимуратов О.А. Мотивация как семантико-структурная характеристика антропонимов: логико-лингвистический и лингвоконцептологический аспекты (на материале англоязычных произведений жанра фэнтези конца XX – начала XXI вв.) / О.А. Алимуратов, Е.А. Борисенко, С.И. Тасуева и др. // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2021. — 4. — С. 276–282.
4. Алимуратов О.А. Опыт моделирования структуры категории времени (по данным вербальной репрезентации в романе антиутопии Дж. Дэшнера «The Maze Runner») / О.А. Алимуратов, М.Б. Гаврилова, К.З. Островская и др. // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2024. — 4. — С. 152–161. — DOI: 10.53531/25420747_2024_4_152
5. Амелина А.В. Теоретический аспект изучения литературной утопии и антиутопии (к проблеме идентификации жанров) / А.В. Амелина // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2023. — № 4. — С. 77–91.
6. Белова Е.Е. Жанровые особенности англоязычного романа-антиутопии / Е.Е. Белова, М.В. Архипова, О.Ю. Буйнова // Гуманитарные исследования. — 2024. — № 3 (91). — С. 69–74.
7. Воробьева А.Н. Личность и общество в новейших антиутопических сюжетах / А.Н. Воробьева. // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: материалы V Всероссийской электронной научно-практической конференции; — Самара: СГАКИ, 2008. — С. 249–253.
8. Гусевская О.И. История становления жанра литературной антиутопии / О.И. Гусевская // Вопросы педагогики. — 2024. — № 2-1. — С. 12–16.
9. Козьмина Е.Ю. Поэтика романа-антиутопии: на материале русской литературы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. — Москва, 2005. — 19 с.
10. Колосова П.А. Значение переживания как основа современной антиутопии (на примере антиутопии Пола Линча «Песнь пророка») / П.А. Колосова, М.В. Оборина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2024. — 4 (83). — С. 167–176.
11. Ланин Б.А. Русская антиутопия XX века: учеб. пособие для учителей ст. классов гуманит. гимназий / Б.А. Ланин, М.М. Боришанская. — Москва: ТОО «Онега», 1994. — 245 с.
12. Любимова А.Ф. Жанр антиутопии в XX веке: содержательные и поэтологические аспекты: учеб. пособие по спецкурсу / А.Ф. Любимова. — Пермь: Перм.ГУ, 2001. — 90 с.
13. Мысовских Л.О. Закономерности возникновения и трансформации жанра романа-антиутопии / Л.О. Мысовских // Наука и школа. — 2022. — 6. — С. 11–19. — DOI: 10.31862/1819-463X-2022-6-11-19
14. Низамиева М.А. Концепт «ЕКЕЕБОМ (СВОБОДА)» в произведениях жанра антиутопии на английском языке / М.А. Низамиева, Е.Н. Коновалова // Казанская наука. — 2020. — 5. — С. 137–139.
15. Солдатов В.Е. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума / В.Е. Солдатов, И.Д. Тузовский // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2010. — 3 (23). — С. 40–49.
16. Солобуто Д.С. Антиутопия: эволюция и особенности жанра / Д.С. Солобуто // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — 3 (858). — С. 142–149. — DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_142
17. Хаматханова Л.С. Мотивная структура антиутопий / Л.С. Хаматханова, А.А. Хадзиева // Филологический аспект. — 2024. — 5 (109). — С. 281–285.
18. Шишадская Т.А. Жанровая специфика антиутопии в современной литературе / Т.А. Шишадская, Т.Ю. Осадчая // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодежью. — 2022. — 3. — С. 71–78.
19. Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке / С.Г. Шишкина. — Иваново: Ивановский гос. химико-технологический ун-т, 2009. — 229 с.
20. Шпак К.Д. Дискуссионность жанрового определения антиутопии в современной науке / К.Д. Шпак // Вестник науки. — 2025. — 1; 2 (83). — С. 449–453.

21. Юрганов А.Л. Антиутопия и сталинизм: роман Дж. Оруэлла «1984» / А.Л. Юрганов // *Философский журнал*. — 2024. — 17; 2. — С. 79–91.
22. Юрѳева Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы / Л.М. Юрѳева. — Москва: Ин-т мировой лит. имени А.М. Горького РАН, 2005. — 317 с.
23. Munira E. A creative exploration and analysis of contemporary dystopian fiction / E. Munira // *Writing in Practice*. — 2018. — 4. — URL: <https://www.nawe.co.uk/DB/wip-editions/articles/a-creative-exploration-and-analysis-of-contemporary-dystopian-fiction.html> (accessed: 01.08.25). — DOI: 10.62959/WIP-04-2018-02
24. Barton R. Dystopia and the Promethean Nightmare / R. Barton. // *The Age of Dystopia: One Genre, Our Fears and Our Future*; edited by L. MacKay Demerjian — Newcastle-Upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2016. — P. 5–18.
25. Claeys G. The Origins of Dystopia: Wells, Huxley and Orwell / G. Claeys. // *The Cambridge Companion to Utopian Literature*; — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. doi: 10.1017/CCOL9780521886659.005
26. James P.D. The Children of Men / P.D. James. — New York: Warner, 1994. — 370 p. — URL: <https://archive.org/details/childrenofmen0000jame>. (accessed: 01.08.25).
27. Jameson F. Utopia as Method, or the Uses of the Future / F. Jameson. // *Utopia/dystopia: Conditions of Historical Possibility*; edited by M. Gordin H. Tilley G. Prakash — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. — P. 21–44.
28. Ramazanova Sh.Sh.Ş. Жанр антиутопии в мировой литературе (Хаксли, Замятин, Оруэлл) / Sh.Sh.Ş. Ramazanova, İ.H. Solmaz // *Uluslararası Sosyal Bilimler Akademi Dergisi*. — 2025. — 17. — С. 143–162.
29. Stephenson N. Snow crash / N. Stephenson. — New York: Bantam Books, 1992. — 484 p. — URL: <https://archive.org/details/snowcrash0000step>. (accessed: 01.08.25).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Avakyan D.A. Antiutopiya kak zhanr social'no-politicheskoj literatury' [Dystopia as a genre of socio-political literature] / D.A. Avakyan // *Interscience*. — 2022. — 14-2 (237). — P. 52–54. [in Russian]
2. Alimuradov O.A. Zhanrovye osobennosti angloyazychny'x tekstov fe'ntezi kak korrelyat sistemy' antroponimov [Genre features of English-language fantasy texts as a correlate of the anthroponymic system] / O.A. Alimuradov, E.A. Borisenko // *Pyatigorsk State University Bulletin*. — 2022. — 1. — P. 137–142. [in Russian]
3. Alimuradov O.A. Motivaciya kak semantiko-strukturnaya xarakteristika antroponimov: logiko-lingvisticheskij i lingvokonceptologicheskij aspekty' (na materiale angloyazychny'x proizvedenij zhanra fe'ntezi konca XX – nachala XXI vv.) [Motivation as a semantic-structural characteristic of anthroponyms: logical-linguistic and linguo-conceptological aspects (based on English-language fantasy works of the late 20th – early 21st centuries)] / O.A. Alimuradov, E.A. Borisenko, S.I. Tasueva et al. // *Pyatigorsk State University Bulletin*. — 2021. — 4. — P. 276–282. [in Russian]
4. Alimuradov O.A. Opy't modelirovaniya struktury' kategorii vremeni (po dannym verbal'noj reprezentacii v romane antiutopii Dzh. De'shnera «The Maze Runner») [Modeling the structure of the time category (based on verbal representation in James Dashner's dystopian novel 'The Maze Runner')] / O.A. Alimuradov, M.B. Gavrilova, K.Z. Ostrovskaya et al. // *Pyatigorsk State University Bulletin*. — 2024. — 4. — P. 152–161. — DOI: 10.53531/25420747_2024_4_152 [in Russian]
5. Amelina A.V. Teoreticheskij aspekt izucheniya literaturnoj utopii i antiutopii (k probleme identifikacii zhanrov) [The theoretical aspect of the study of literary utopia and dystopia (on the problem of genre identification)] / A.V. Amelina // *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*. — 2023. — № 4. — P. 77–91. [in Russian]
6. Belova E.E. Zhanrovye osobennosti angloyazychnogo romana-antiutopii [Genre features of the English-language dystopian novel] / E.E. Belova, M.V. Arxipova, O. Yu. Bujnova // *Humanitarian studies*. — 2024. — № 3 (91). — P. 69–74. [in Russian]
7. Vorob'eva A.N. Lichnost' i obshhestvo v novejsnix antiutopicheskix syuzhetax [Personality and society in contemporary dystopian narratives] / A.N. Vorob'eva. // *Higher Education Institution of Culture and Arts in the Regional Educational System: Proceedings of the Fifth All-Russian Electronic Scientific and Practical Conference*; — Samara: SGAKI, 2008. — P. 249–253. [in Russian]
8. Gusevskaya O.I. Istorija stanovleniya zhanra literaturnoj antiutopii [The history of the genre of literary dystopia] / O.I. Gusevskaya // *Questions of pedagogy*. — 2024. — № 2-1. — P. 12–16. [in Russian]
9. Kozmina E. Yu. Poetika romana-antiutopii: na materiale russkoj literatury XX veka [The poetics of the dystopian novel: based on 20th-century Russian literature]. Abstract of PhD Thesis in Philology. — Moscow, 2005. — 19 p. [in Russian]
10. Kolosova P.A. Znachashhie perezhivaniya kak osnova sovremennoj antiutopii (na primere antiutopii Pola Lincha «Pesn' proroka») [Significant experiences as the foundation of contemporary dystopia (exemplified by Paul Lynch's 'Prophet Song')] / P.A. Kolosova, M.V. Oborina // *Tver State University Bulletin. Series: Philology*. — 2024. — 4 (83). — P. 167–176. [in Russian]
11. Lanin B.A. Russkaya antiutopiya XX veka: ucheb. posobie dlya uchitelej st. klassov gumanit. gimnazij [Russian Dystopia of the 20th Century: A Textbook for Teachers of Senior Humanities Classes] / B.A. Lanin, M.M. Borishanskaya. — Moscow: TOO «Onega», 1994. — 245 p. [in Russian]
12. Lyubimova A.F. Zhanr antiutopii v XX veke: sodержatel'ny'e i poe'tologicheskie aspekty': ucheb. posobie po spetskursu [The Dystopian Genre in the XX Century: Content and Poetological Aspects: A Study Guide for a Specialised Course] / A.F. Lyubimova. — Perm': Perm.GU, 2001. — 90 p. [in Russian]
13. My'sovskix L.O. Zakonomernosti vzniknoveniya i transformacii zhanra romana-antiutopii [Patterns in the emergence and transformation of the dystopian novel genre] / L.O. My'sovskix // *Science and School*. — 2022. — 6. — P. 11–19. — DOI: 10.31862/1819-463X-2022-6-11-19 [in Russian]

14. Nizamieva M.A. Koncept «EKEEBOM (SVOBODA)» v proizvedeniyax zhanra antiutopii na anglijskom yazy'ke [The concept of “FREEDOM” in English-language dystopian works] / M.A. Nizamieva, E.N. Konovalova // *Kazan Science*. — 2020. — 5. — P. 137–139. [in Russian]
15. Soldatov V.E. Sociokul'turnoe prostranstvo v antiutopiyax: osnovny'e cherty' modeliruemogo sociuma [Sociocultural space in dystopias: key features of the modeled society] / V.E. Soldatov, I.D. Tuzovskij // *Chuvash State Academy of Humanities and Arts Bulletin*. — 2010. — 3 (23). — P. 40–49. [in Russian]
16. Solobuto D.S. Antiutopiya: e'voljuciya i osobennosti zhanra [Dystopia: evolution and genre characteristics] / D.S. Solobuto // *Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities Series*. — 2022. — 3 (858). — P. 142–149. — DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_142 [in Russian]
17. Xamatxanova L.S. Motivnaya struktura antiutopij [Motivic structure of dystopias] / L.S. Xamatxanova, A.A. Xadzieva // *Philological Aspect*. — 2024. — 5 (109). — P. 281–285. [in Russian]
18. Shishadskaya T.A. Zhanrovaya specifika antiutopii v sovremennoj literature [Genre specificity of dystopia in contemporary literature] / T.A. Shishadskaya, T.Yu. Osadchaya // *Problems and Prospects of Modern Humanities: Pedagogy, Teaching Methodology, Philology, Youth Work Organization*. — 2022. — 3. — P. 71–78. [in Russian]
19. Shishkina S.G. Istoki i transformacii zhanra literaturnoj antiutopii v XX veke [Origins and Transformations of the Literary Dystopia Genre in the 20th Century] / S.G. Shishkina. — Ivanovo: Ivanovskij gos. ximiko-texnologicheskij un-t, 2009. — 229 p. [in Russian]
20. Shpak K.D. Diskussionnost' zhanrovogo opredeleniya antiutopii v sovremennoj nauke [The debatable nature of dystopia's genre definition in contemporary scholarship] / K.D. Shpak // *Bulletin of Science*. — 2025. — 1; 2 (83). — P. 449–453. [in Russian]
21. Yurganov A.L. Antiutopiya i stalinizm: roman Dzh. Orue'lla «1984» [Dystopia and Stalinism: George Orwell's Nineteen Eighty-Four] / A.L. Yurganov // *Philosophy Journal*. — 2024. — 17; 2. — P. 79–91. [in Russian]
22. Yur'eva L.M. Russkaya antiutopiya v kontekste mirovoj literatury' [Russian Dystopia in the Context of World Literature] / L.M. Yur'eva. — Moscow: In-t mirovoj lit. imeni A.M. Gor'kogo RAN, 2005. — 317 p. [in Russian]
23. Munira E. A creative exploration and analysis of contemporary dystopian fiction / E. Munira // *Writing in Practice*. — 2018. — 4. — URL: <https://www.nawe.co.uk/DB/wip-editions/articles/a-creative-exploration-and-analysis-of-contemporary-dystopian-fiction.html> (accessed: 01.08.25). — DOI: 10.62959/WIP-04-2018-02
24. Barton R. Dystopia and the Promethean Nightmare / R. Barton. // *The Age of Dystopia: One Genre, Our Fears and Our Future*; edited by L. MacKay Demerjian — Newcastle-Upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2016. — P. 5–18.
25. Claeys G. The Origins of Dystopia: Wells, Huxley and Orwell / G. Claeys. // *The Cambridge Companion to Utopian Literature*; — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. doi: 10.1017/CCOL9780521886659.005
26. James P.D. The Children of Men / P.D. James. — New York: Warner, 1994. — 370 p. — URL: <https://archive.org/details/childrenofmen0000jame> . (accessed: 01.08.25).
27. Jameson F. Utopia as Method, or the Uses of the Future / F. Jameson. // *Utopia/dystopia: Conditions of Historical Possibility*; edited by M. Gordin H. Tilley G. Prakash — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. — P. 21–44.
28. RAMAZANOVA SH.SH.Ş. Zhanr antiutopii v mirovoj literature (Xaksli, Zamyatin, Orue'll) [The Genre of Dystopia in World Literature (Huxley, Zamyatin, Orwell)] / SH.SH.Ş. RAMAZANOVA, İ.H. SOLMAZ // *Uluslararası Sosyal Bilimler Akademi Dergisi*. — 2025. — 17. — P. 143–162. [in Russian]
29. Stephenson N. Snow crash / N. Stephenson. — New York: Bantam Books, 1992. — 484 p. — URL: <https://archive.org/details/snowcrash0000step> . (accessed: 01.08.25).